

Т е м а н о м е р а Немонетарные неравенства в жизни россиян

Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств

Аникин Василий Александрович – кандидат экономических наук, Ph.D. in Sociology (University of Essex), доцент, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: vanikin@hse.ru

Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.537

Аннотация. В статье¹ исследуются изменения ситуации, связанной с занятостью и работой россиян за годы финансово-экономического кризиса 2014–16, а также в период с 2017 по 2018 гг., который российские учёные уже окрестили периодом «негативной посткризисной стабилизации». Данная статья в целом подтверждает этот тезис. Несмотря на ряд очевидных успехов (сохранение среднероссийской безработицы на аномально низком уровне и сглаживание поселенческой поляризации доходов в основном за счёт снижения зарплат жителей столиц в 2018 г.), по ряду важнейших показателей занятости наша страна пока ещё не достигла докризисного уровня. Наибольшие опасения сегодня вызывает отчуждение села, выражающееся не только в аномально высоких показателях безработицы, превышающих уровень безработицы в столицах более чем в 5 раз, но и в трудовом бесправии сельчан – массовых задержках зарплат и «серых» схемах оплаты труда в условиях авторитарного местного начальства. Во-вторых, это масштаб нестабильной занятости и сохраняющиеся высокие риски безработицы среди молодёжи, особенно тех из них, кто занят простым физическим трудом. В-третьих, это рост поселенческих неравенств в распределении индивидуальных доходов внутри профессиональных групп. В столицах негативное влияние кризиса коснулось прежде всего управленцев (как следствие оптимизации расходов на управленческий аппарат); в областных и районных центрах проблемы с работой из-за кризиса наблюдались в основном у профессионалов (в силу ограниченного предложения «хороших» рабочих мест). Помимо прочего, между возможностями и характером занятости в столицах и регионах существуют фундаментальные различия, которые не вызваны кризисом напрямую. Так, в статье делается вывод о постепенном превращении региональных центров субъектов РФ в «трансфертную периферию» в силу двукратного увеличения в них с начала 2000-х гг. относительной доли экономически неактивного населения – в основном неработающих пожилых людей. Эмпирическую основу анализа составляют данные выборочной статистики, полученные из «волн» общенационального мониторингового исследования Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН за 2014–18 гг.

Ключевые слова: занятость, ситуация на работе, профессиональная структура, поселенческие неравенства, кризис, выход из кризиса

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Обширные данные официальной статистики свидетельствуют, что российская экономика начинает постепенно восстанавливаться после кризиса 2014–16 гг. Однако выход из кризиса осуществляется крайне неравномерно, немаловажной причиной чего являются территориально-поселенческие различия в экономике и обществе. Исследования показывают, что в современной России сложились большие диспропорции между столицами и регионами. Эти диспропорции сохраняются и сегодня [Столицы и регионы... 2018]. Здесь мы рассмотрим, насколько глубоки различия между столицами и регионами в тех сторонах жизни их жителей, которые связаны с занятостью, а также насколько сильно различаются ситуации на работе у работающего населения столиц и регионов, «большой» и «малой» России. Ещё одной немаловажной задачей данной статьи является оценка степени гомогенности населения столиц и регионов с точки зрения отнесения их к разным типам «территориальных общностей» – ведь, как известно, рынок труда, специфика занятости и профессионально-отраслевая специализация являются ключевыми параметрами, характеризующими ту или иную территориальную общность¹. Итак, есть ли существенные различия между столицами (в частности Москвой) и регионами? И увеличиваются или сглаживаются эти различия до, во время и после кризиса? Ответам на эти вопросы и посвящена данная статья.

В качестве эмпирических массивов были использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» за разные годы (2014, октябрь–ноябрь; 2015, март; 2018, апрель–май), созданные при финансовой поддержке Российского научного фонда². Выборка за указанные годы Мониторинга составляла 4000 респондентов и репрезентировала основные группы российского населения по типу поселения, уровню образования, профессии, полу, возрасту и доходу. Кроме того, в тексте статьи использованы данные Мониторинга за 2017 г. (апрель–май). Объём выборочной совокупности исследования 2017 г. составил 3000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше³.

¹ См., например, работы О. И. Шкаратана о социологической традиции анализа городов применительно к реалиям советской России [Шкаратан 1986].

² При дальнейшем апеллировании к этим данным в рамках данной статьи для краткости будет указываться, что речь идёт о данных Мониторинга.

³ В работе используются данные социологических исследований также и за другие годы (2003 и 2013). В каждом отдельном случае при первом упоминании данных приводится соответствующая ссылка с их кратким описанием.

Россия – страна с полной, но нестабильной занятостью

По итогам четырёх лет кризиса Россия по-прежнему характеризуется экономикой полной занятости. Несмотря на то, что в пик кризиса, который пришёлся на 2015 г., безработица в стране несколько увеличилась, охватив более 6% населения. Сегодня безработица в России, согласно данным Мониторинга, находится на низком уровне – 3,5% (см. рис. 1)¹. Это даже несколько ниже, чем в 2014 г., когда значение безработицы составляло 4,9%². В целом эти результаты подтверждаются и другими исследованиями. Более того, некоторые эксперты даже делают вывод, что безработица в пиковые годы кризиса (2015 и 2016) удерживалась на «аномально» низком уровне [Российский рынок труда... 2017].

Рис. 1. Динамика безработицы и нестабильной занятости в России, 2014–18 г., %³

Главной проблемной зоной с точки зрения концентрации безработицы как в годы кризиса, так и сегодня, остаются сёла, хотя очевидна динамика смягчения ситуации и в сельской

¹ Определение безработицы, используемое в данной статье, несколько разнится с тем, которого придерживается Федеральная служба государственной статистики (ФСГС) РФ и Международная организация труда (МОТ). Так, в нашем исследовании безработными считаются все экономически активные граждане страны, не имеющие места работы или учёбы, вне зависимости от того, находятся ли они в постоянном поиске работы или нет. Этот показатель значительно выше, чем уровень регистрируемой Росстатом безработицы в России (1,2% в 2015 г.) и в целом соответствует оценкам общей численности безработных (по определению МОТ) в России (5,6% в 2015 г.).

² Остальные незанятые и тогда, и сейчас характеризуют причины своей незанятости не как безработицу, а как разного рода личные и семейные причины [Двадцать пять лет... 2018].

³ Нестабильная занятость оценивалась по косвенным признакам – посредством агрегирования респондентов, получающих разовые приработки и заработки от случая к случаю, которые являются для них основным источником индивидуального дохода в условиях отсутствия зарплаты по основному месту работы. Данные по нестабильной занятости указаны в процентах от работающего населения. Здесь и далее числовые значения округлены до целых, где это возможно и оправдано целями более наглядной презентации данных.

России. Сегодня уровень безработицы в сёлах превышает её среднегородской уровень примерно в два раза, в то время как в 2015 г. это превышение характеризовалось 4-х кратным разрывом (см. рис. 2). Во многом коррекция уровня безработицы в посткризисной России в сторону её снижения обеспечивается существенным сокращением именно сельской безработицы. Москва же и Петербург, как видно из рис. 2, оказались мало затронуты ростом безработицы даже в кризис.

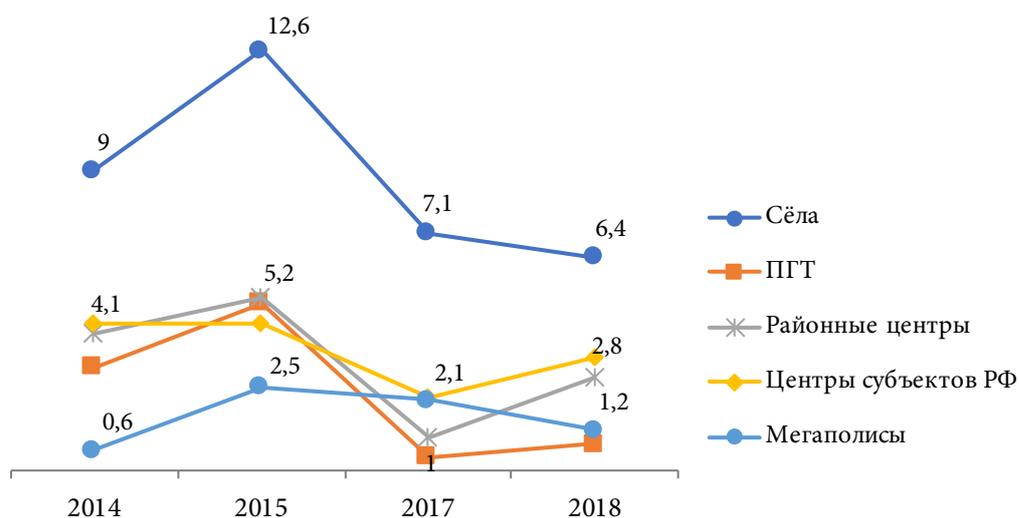

Рис. 2. Динамика безработицы в России в разных типах поселений, 2014–18 гг., %

Гораздо более тревожным, чем уровень безработицы, является высокий уровень нестабильной занятости (см. рис. 1). Именно она является главным фактором нестабильных доходов россиян, которые в среднем остаются пока ещё очень низкими. Примерно для пятой части занятого населения страны разовые приработки, заработки от случая к случаю являются основным источником индивидуального дохода в условиях отсутствия зарплаты по основному месту работы. При этом риски оказаться в ситуации длительной (более трёх месяцев) безработицы или нестабильной занятости у россиян довольно велики, и особенно у молодёжи. Так, в 2018 г. в возрасте до 30 лет почти каждый пятый россиянин (18%) оказывался в ситуации, когда он не работал и не учился более 3-х месяцев подряд – среди возрастной когорты 31–40 лет таких было 14%.

Стоит отметить, впрочем, что доля лиц с нестабильной занятостью и безработицей по мере преодоления последствий экономического кризиса постепенно снижается, хотя в разных профессиональных группах¹ динамика этого сокращения имеет свою специфику (см. рис. 3).

¹ Здесь и далее оценка профессиональной принадлежности осуществлялась на основе самоотнесения респондента к той или иной категории. Ниже в статье данные по профессиональным группам представлены в укрупнённом виде. В зависимости от целей анализа, степень этого укрупнения будет разной.

Во многом коррекция уровня безработицы в посткризисной России в сторону снижения обеспечивается существенным сокращением сельской безработицы.

Риски оказаться в ситуации длительной (более трёх месяцев) безработицы или нестабильной занятости у россиян довольно велики, и особенно у молодёжи.

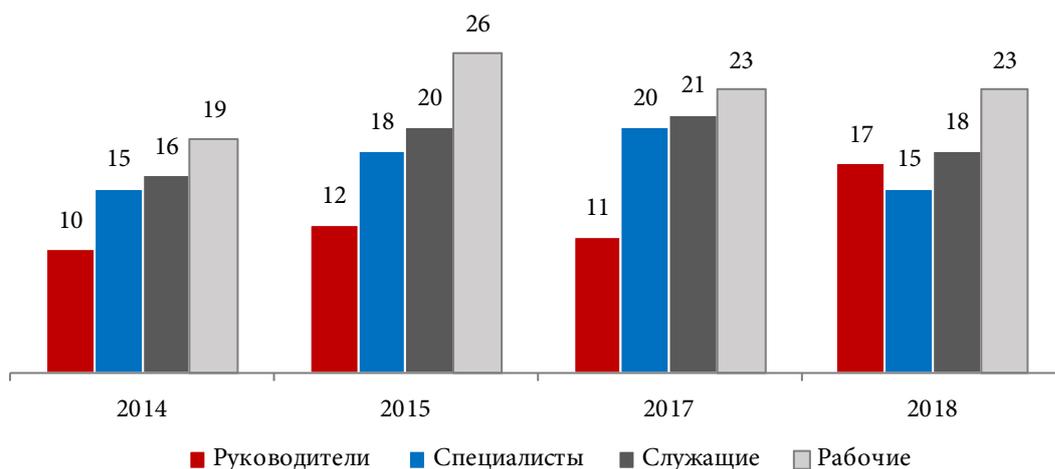

Рис. 3. Динамика нестабильной занятости в России в разрезе основных профессиональных групп, 2014–18 гг., %¹

Судя по данным рис. 3, нестабильная занятость менее всего распространена среди лиц, занятых нефизическим трудом, в то время как среди рабочих она довольно выражена, являясь сегодня нормой для четверти из них. При этом разнорабочие и рабочие низкой квалификации традиционно находятся в группе риска, и этот риск обостряется во время любых кризисных явлений в экономике. Так, в кризисный 2015 г. нестабильная занятость охватывала до 30% разнорабочих и рабочих 1–2 разрядов, вследствие чего они могли рассчитывать лишь на разовые приработки в качестве основного источника индивидуального дохода.

Рассмотрим теперь ситуацию с общими показателями занятости. Оценки экспертов позволяют предположить, что «аномально» низкая безработица в посткризисной России является отчасти следствием сдвигов в возрастной структуре населения, в результате которого все последние годы происходило снижение относительной доли лиц с высокими рисками для безработицы (прежде всего, молодёжи) [Российский рынок труда... 2017]. Обращение к микроданным позволяет увидеть признаки локализации этого процесса. Рис. 4 демонстрирует, что высокие показатели занятости на протяжении 15 лет устойчиво характеризуют лишь российские мегаполисы, и прежде всего Москву, а после кризиса 2014–16 гг. к ним присоединились также районные центры, уровень занятости в которых в 2017–18 гг. превысил докризисные показатели (76–78% по сравнению с 73–74% в 2003–14 гг.).

¹ Здесь и далее «Руководители» представлены руководителями всех уровней, предпринимателями и самозанятыми. «Специалисты» – работниками, чей труд предполагает использование высшего образования. «Служащие» включают (а) специалистов средней категории, офисных служащих и администраторов, а также (б) прочих работников нефизического труда, а именно: рядовых работников в сфере торговли и бытового обслуживания. «Рабочие» же представлены лицами, занятыми физическим трудом (куда входят разнорабочие и рабочие 1–2 разрядов, среднетренированные (3–4 разряды) и высококвалифицированные рабочие (5-й разряд и выше).

Высокие показатели занятости на протяжении 15 лет устойчиво характеризуют лишь российские мегаполисы, и прежде всего Москву, а после кризиса 2014–16 гг. к ним присоединились также районные центры, уровень занятости в которых в 2017–18 гг. превысил докризисные показатели.

Столицы и райцентры имеют очень схожую структуру неработающего населения, т. е. равные доли неработающих пенсионеров и крайне низкие показатели безработицы. В то же время есть у них и существенные различия – так, в районных центрах в составе взрослого населения почти в два раза меньше студентов, чем в столицах (5 и 9% соответственно). Обратную картину можно наблюдать в областных, краевых и республиканских центрах, в которых, по данным 2017–18 гг., показатели занятости оказались самыми низкими в стране, находясь на уровне 60–63% соответственно. Это существенно ниже, чем в столицах, районных центрах и даже сельской местности (72–76%).

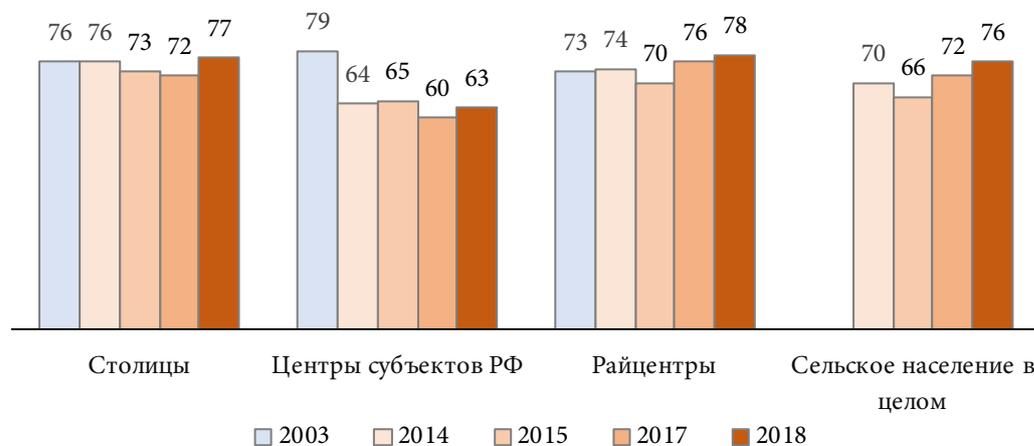

Рис. 4. Динамика доли работающего населения в разных типах поселений, 2014–18 гг., %¹

Главная причина таких диспропорций в том, что бремя стареющего населения ложится преимущественно на областные центры. И это несмотря на то, что в центрах субъектов РФ сконцентрированы, как правило, главные образовательные ресурсы регионов, что традиционно сказывалось на миграционных потоках тех масс российского населения, которые проявляли интерес к среднему специальному и высшему образованию. Так, наибольшая относительная доля студентов вузов и ссузов среди всех типов поселений приходится именно на областные, краевые и республиканские центры (15%, что более чем в 2 раза превышает общероссийский уровень и в 1,5 раза – столичный). Тем не менее, самой массовой группой неработа-

¹ Здесь и далее данные по 2003 г. представлены из всероссийского опроса горожан «Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность», проведенного Институтом комплексных социальных исследований (ИКСИ) РАН в декабре 2003 г. Выборка этого исследования включала 1752 человека. Основная часть из них (1600 человек) репрезентировала население страны в целом, а остальные респонденты относились к довыборке, обеспечивающей более полное представительство населения Москвы и Петербурга в полученном массиве. Для оценки ситуации по населению в целом использовалась репрезентативная часть выборки, для оценки ситуации в Москве и Санкт-Петербурге – подмассивы, включающие довыборку.

ющих россиян в центрах субъектов РФ остаются пенсионеры. Они составляют более половины всех неработающих жителей этого типа поселений, относительная доля которых выросла с начала 2000-х гг. с 21 до 40–37% в 2018 и 2017 гг. соответственно (см. рис. 4).

Итак, сегодня городское население в областных, краевых и республиканских центрах более чем на треть состоит из экономически неактивных граждан страны, более половины которых – неработающие пожилые люди. Эта сравнительно новая для нашей страны реальность, начавшая складываться ещё до кризиса 2014–16 гг., а именно – с середины 2000-х гг., сегодня создаёт стареющий облик крупных и средних городов России, увеличивая риски превращения их в «трансфертную периферию» в результате непомерного увеличения социальной нагрузки на региональные бюджеты, а также на социальную инфраструктуру системы здравоохранения и социального обеспечения центров субъектов Российской Федерации.

Чтобы обеспечить экономически эффективное и процветающее функционирование областных, краевых и республиканских центров, необходимо решить проблему с развитием локальных рынков труда и их диверсификации, предполагающей создание перспективных рабочих мест и соответствующей городской инфраструктуры (в том числе для развитого социального и культурного потребления), что позволило бы привлечь или удержать часть талантливой молодёжи на местах. Существуют ли ресурсы для этого у центров субъектов РФ с точки зрения характеристик их рабочих мест и ситуации на работе у жителей этих городов? Данные выборочной статистики, представленные выше, говорят о том, что такие ресурсы имеются, однако и проблемы в этой области тоже есть.

Ситуация в столицах и региональных центрах кардинально отличается от того, что сегодня происходит в российских деревнях, которые, как видно на рис. 4, также характеризуются низкими показателями занятости (24% их взрослого населения не работает). Во многом это объясняется тем, что наметившаяся в последние годы коррекция безработицы в сельской России, о которой мы говорили выше (см. рис. 2), пока не достигла докризисного уровня, вследствие чего показатели сельской безработицы остаются ещё на высоком уровне (6,4% в 2018 г.), превышающем уровень городской безработицы более чем в два раза и безработицы в столицах – более чем в 5 раз.

Главная проблема с сельской безработицей в России заключается в том, что она распространена среди молодёжи, что особенно характерно для регионов с преобладающим сельским населением, к которым относятся многие республики

Сегодня городское население в областных, краевых и республиканских центрах более чем на треть состоит из экономически неактивных граждан страны, более половины которых – неработающие пожилые люди.

Северного Кавказа и Юга России¹. Опасность сохранения такой ситуации состоит в утрате профессиональных идентичностей и, как следствие, росте примардиалистских взглядов, подпитывающих межэтническую вражду и расовую ненависть, осуждение инакомыслия и вообще любых девиаций, неизбежно влекущих за собой большие риски радикализации массового сознания². С социологической точки зрения, безработица среди молодёжи даёт подпитку так называемым неклассовым идентичностям, которые разрушают стимулы к профессиональному саморазвитию и тем самым значительно затрудняют укоренение в той или иной территориальной общности принципов эффективности и меритократизма. С другой стороны, длительная безработица наносит непоправимый ущерб человеческому капиталу индивидов, приводя не только к его обесцениванию в силу долгого неиспользования, но и к разрушению стимулов к его обновлению. А это, в свою очередь, создаёт дополнительные риски на пути к формированию новой, диверсифицированной и современной экономики.

С социально-психологической точки зрения, безработица, особенно длительная, культивирует апатичное отношение к жизни, которое при отсутствии (или существенном ограничении) институциональных возможностей профессионального и карьерного роста может активно тиражироваться и перениматься даже работающим населением. Именно такая ситуация наблюдается сегодня в российской деревне, которая, как оказалось, очень чувствительна к кризисным явлениям в экономике. Там не просто меньше людей, которые удовлетворены своими возможностями сделать карьеру (34% при среднем для России значении 38%), но, главное, заметно выше доля тех, кто считает, что карьера – это не важно (16% по сравнению с 9% в райцентрах).

Сервисная специализация городов на фоне раннеиндустриальной деревни

Ситуация с безработицей в российском селе усложняется сохраняющейся и усиливающейся в кризис раннеиндустриальной и даже «кризисной» специализацией деревни. Так, из рис. 5 видно, что профессиональный облик сельской России формируют лица, занятые физическим трудом (преимущественно разнорабочие), рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания, а также работники нефизического труда средней и низкой квалификации.

¹ Источник: Социальный атлас регионов // URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml [Дата посещения: 24.08.2017].

² См. классическую работу американского социолога М. Кона [Kohn 1989].

Рис. 5. Динамика профессиональной структуры работающего населения в разных типах поселений, 2003 и 2018 гг., %¹

Концентрация средне- и низкоквалифицированной рабочей силы в сельской России приводит к проблеме бесправного положения работников по отношению к местному начальству, которая значительно обостряется в кризис. Так, лишь 79-ти процентам работающих жителей сёл работодатели обеспечивают своевременную выплату заработной платы, в то время как среднероссийский показатель находится на уровне 93% (см. таблицу 1); официальное оформление на работу по письменному трудовому контракту или по приказу обеспечивается лишь для 68% жителей сёл (с средним по России – 74%), 59% – «белая» зарплата (64% соответственно), оплата отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размерах – для 52% (62% в среднем по России), а оплата сверхурочных в случае их наличия – лишь для 29%.

Таблица 1

Динамика соблюдения трудовых прав россиян на рабочем месте во время и после кризиса, 2014–18 гг., %

Соблюдение трудовых прав	2014	2015	2016	2017	2018
Своевременная выплата з/п	92	89	91	84	93
Официально оформлены на работу	76	70	75	75	74
«Белая» зарплата	66	63	62	66	64
Оплата отпуска и больничного листа	68	60	59	62	62
Соблюдаются все эти права	56	47	49	48	48
Имеют дополнительные социальные блага	15	6	5	9	5

Более благоприятная ситуация на рабочем месте сложилась с соблюдением гарантии законных прав в трудовой сфере у жителей столиц. Так, «белая» зарплата гарантируется 86-ти процентам работающих москвичей и петербурж-

¹ Данные за 2003 г. по сельской местности отсутствуют в силу структуры выборки. См. подробно комментарий в постраничной сноске № 11.

цев, своевременная выплата заработной платы – 93%, официальное оформление на работу – 87%, а оплата отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размере – 69%. Чем обеспечивается такой колоссальный качественный разрыв между работниками столиц и сельской России?

Прежде всего – другой моделью занятости жителей российских столиц. Фактически Москва и Санкт-Петербург, а также большая часть центров субъектов РФ являются сейчас «сервисными» городами – в них самая высокая доля занятости на позициях руководителей и специалистов, работа которых предполагает высшее образование. По данным на 2018 г., она составила порядка 43% от всех занятых в столицах (см. рис. 5), причём почти три четверти из них – это лица, зарабатывающие умственным трудом (или, в западной трактовке, профессионалы)¹. Для сравнения – в районных центрах этот показатель составляет лишь 35%. Около 26% в столицах и остальных центрах субъектов РФ – это специалисты средней категории, офисные служащие и администраторы, а также лица, занятые средне- и низкоквалифицированным нефизическим трудом, занимающие простые рабочие места в торговле и бытовом обслуживании. В совокупности доля рабочей силы, занятой нефизическим трудом, составляет в этих типах поселений более двух третей от всей рабочей силы, и 31% – это рабочие.

Примерно такая же доля рабочих проживает в сельской местности. Однако наряду с этим в сельской местности самая высокая доля лиц, занятых рутинным нефизическим трудом, – 32%, в то время как доля специалистов наименьшая, всего 20%. В совокупности получается, что в сельской России проживает сегодня 65% работников, чья повседневная деятельность не связана с умственным трудом и едва ли востребует какие-либо инвестиции в человеческий капитал, равно как и ценности (само)развития [Аникин 2018]. Фактически картина занятости в российской глубинке воспроизводит модель раннеиндустриального этапа развития, для которого характерна высокая доля рабочих и раздутый штат работников, занятых преимущественно административной работой. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что относительная доля «начальства» в структуре занятости российской деревни даже больше, чем в мегаполисах и крупных городах России – 15%. Очевидно, что сельскому начальству приходится руководить преимущественно рабочей силой

¹ Понятие «сервисного» города используется нами в широком контексте, который предполагает не только оказание базовых услуг (например, торговля и бытовое обслуживание, но и социальных – в сфере образования, медицины, государственного и муниципального управления и проч.). Занятость в таком городе обеспечивается преимущественно работниками нефизического труда.

Фактически Москва и Санкт-Петербург, а также большая часть центров субъектов РФ являются сейчас «сервисными» городами – в них самая высокая доля занятости на позициях руководителей и специалистов, работа которых предполагает высшее образование.

Фактически картина занятости в российской глубинке воспроизводит модель раннеиндустриального этапа развития, для которого характерна высокая доля рабочих и раздутый штат работников, занятых преимущественно административной работой.

средней и низкой квалификации, мотивация которой зачастую ограничивается формальным и даже авторитарным стилем, который в корне неприемлем для профессионалов. Наряду с низкими зарплатами (см. рис. 6) это создаёт дополнительные барьеры для миграции специалистов из города в деревню, усугубляя проблему дефицита профессионалов в российском селе, и одновременно повышает риски их оттока в более урбанизированные зоны.

При этом деиндустриализация, наблюдавшаяся в России с начала 1990-х гг., коснулась преимущественно мегаполисов и районных центров (хотя последних в меньшей степени). За последние 15 лет профессиональная структура столиц кардинально поменялась. При этом произошло увеличение в 2,4 раза административного аппарата, представленного работниками нефизического труда средней и низкой квалификации, а доля профессионалов даже несколько сократилась. Столицы стали сервисными городами в худшем значении этого слова. К сожалению, кризис 2014–16 гг., вынудивший профессионалов сворачивать инвестиции в свой человеческий капитал, а также сокращать занятость в четвертичном секторе [Аникин 2016; Средний класс... 2016], к сожалению, не добавляет оптимизма насчёт наметившегося тренда. Напротив, столицы стоят перед угрозой срыва успешной интеграции в мировое «пространство потоков» и, следовательно, рискуют потерять шансы стать «глобальными городами» (в терминологии М. Кастельса). Эта проблема звучит достаточно остро в свете тех колоссальных финансовых ресурсов, которые направляются последние годы на развитие инфраструктуры Москвы и Санкт-Петербурга.

Что в этой связи можно сказать о районных центрах? Если и далее рассуждать в терминах М. Кастельса, то районные центры продолжают развиваться в логике «пространства мест», поскольку именно в этом типе поселений наибольшим образом сохранился облик индустриальных городов, предполагающих преимущественно физический труд (которым заняты 41% работающих (в 2013 – 48%)). Для сравнения, на рабочих специальностях в столицах трудится не более трети населения крупных городов, включая как Москву и Санкт-Петербург, так и другие региональные центры. При этом в столицах преобладают рабочие средней квалификации, 3–4 разряда (19%), в то время как в районных центрах – в основном высококвалифицированные рабочие, от 5-го разряда и выше (21% от занятых в них). Другими словами, районные центры – это в массе своей индустриальные города, трудовой потенциал которых гипотетически может быть использован при реиндустриализации России, чего не скажешь о столицах, в которых доля лиц, занятых физическим трудом высокой квалификации, не превышает 10% от всех занятых москвичей и петербуржцев. Однако структурные риски реиндустриализации на базе трудового потенциала

Столицы стоят перед угрозой срыва успешной интеграции в мировое «пространство потоков» и, следовательно, рискуют потерять шансы стать «глобальными городами».

районных городов состоят в том, что в районных центрах до сих пор остаётся самой высокой среди городского населения России доля рабочих низкой квалификации, имеющих 1–2 разряд и без разряда (на уровне 7%). В Москве и Санкт-Петербурге доля разнорабочих относительно других категорий занятости невелика и составляет всего 4%.

Таким образом, судя по количественным показателям структуры занятости, столицы заметно отличаются от регионов России. Однако эти различия объясняются наличием в составе регионов, помимо крупных городов, также «малой России», поскольку различия в этой области характеризуют скорее, во-первых, все крупные города с характерной для них позднеиндустриальной экономикой сервисного характера с высокой долей представителей высоко- и среднеквалифицированного труда нефизического характера; во-вторых, индустриально ориентированные райцентры и, в-третьих, сельскую Россию с высокой долей работников низкоквалифицированного нефизического труда и руководителей, чем столицы и регионы в целом.

Что же касается динамики различий в структуре занятых между столицами и регионами, то они во многом являются продолжением тенденций последних лет. Так, начиная с 1990-х гг., в России наблюдаются процессы деиндустриализации, сопровождающиеся деквалификацией нефизического труда¹, то есть относительного сокращения доли не только работников физического труда, но и доли работников высокоинтеллектуального труда в составе рабочей силы [Шкаратан, Ястребов 2007] с параллельным наращиванием занятости работников средней и низкой квалификации [Аникин 2011]. Судя по данным нашего исследования, на протяжении последних десятилетий столицы выступали главными территориальными единицами, в которых эти тенденции реализовывались в первую очередь. Именно в результате такой локализации процесса деиндустриализации столицы (главным образом, Москва) стали городами сервисной экономики, в которых доля лиц, занятых нефизическим трудом средней и низкой квалификации, выросла практически втрое за последние 14 лет (см. рис. 5), заметно «обогнав» при этом региональные центры субъектов РФ, где соотношение служащих и рабочих осталось к весне 2018 г. примерно таким же, как в 2003 г. (22 и 26% соответственно), в отличие от столиц, где рост численности служащих произошёл именно за счёт сокращения численности рабочих. Причём этот процесс шёл в них столь активно, что доля служащих даже обогнала в столицах численность этой группы в регионах и стала превышать её

¹ Это отчасти было связано и с переходом России к модели сервисной экономики, побочным явлением чего является процесс деквалификации, описанный в международной литературе под термином «deskilling», то есть ростом занятости на позициях средне- и низкоквалифицированного труда. См. подробно [Gallie 1991].

почти в 1,5 раза, хотя в 2003 г. их соотношение было обратным (2:1). Это говорит о том, что, хотя деиндустриализация привела к сокращению разрыва между столицами и центрами субъектов Федерации, эта конвергенция может носить временный характер – столицы находятся на совершенно иной траектории развития, нежели остальные города, и эти различия в скором времени, возможно, будут усиливаться и дальше.

Столичные рынки труда сопряжены с большими жизненными шансами в трудовой сфере, причём более привилегированные позиции на рынке труда характерны для всех профессиональных групп, даже рабочих. Как минимум половина работающего населения столиц получает в 2–2,5 раза больше, чем работающие россияне из регионов при тех же средних и медианных показателях возраста и трудовых нагрузок. Такая ситуация тем более тревожна, что зарплата по основному месту работы остаётся пока доминирующим источником доходов россиян (а для большинства – и единственным). Средние и медианные значения индивидуальных доходов в регионах в два раза ниже, чем в столицах, при этом они довольно сильно различаются по разным типам поселений в регионах. Из рис. 6 видно, что кризис 2014–16 гг. существенно (если не сказать катастрофически) усугубил и без того большой масштаб поселенческих неравенств по зарплатам, который стал наблюдаться теперь во всех профессиональных группах без исключений. *При наличии значительных разрывов в зарплатах всех профессиональных групп в годы кризиса произошла поляризация медианных зарплат у жителей Москвы и Петербурга, с одной стороны, и так называемой «малой России» – с другой. Эту ситуацию удалось частично купировать лишь к весне 2018 г.*

В то же время в кризис немного выросли медианные зарплаты специалистов и других профессиональных групп в регионах, однако в 2018 г. наметились негативные тенденции в этой сфере, причём в отношении медианных зарплат специалистов, что ставит под вопрос завоевания мер перераспределительной политики, активно проводимой в России в 2013–17 гг. При этом стоит отметить, что кризис не привёл к изменению ранга профессиональных групп по уровню их медианных зарплат. На протяжении 2013–18 гг. группой с наивысшими медианными индивидуальными доходами оставались руководители, на втором месте шли специалисты, на третьем – рабочие, на последнем – служащие.

Характерная особенность докризисной ситуации состояла в том, что масштаб поселенческих неравенств по зарплатам был наименьший именно для руководителей. Более того, руководители в «малой России» могли получать даже больше, чем их коллеги из более крупных городов. Кризис не сказался негативно на зарплатах руководителей. Напротив, в период с 2013 по 2015 гг. медианные зарплаты

руководителей в двух российских столицах стремительно шагнули вверх (в 1,6 раза), в то время как зарплаты в регионах в разных профессиональных группах характеризовались скорее их выравниванием, причём в большей степени именно у тех профессиональных групп, в которых эти различия по регионам ранее были наиболее заметны (специалисты). В результате этого в 2015 г. разрыв зарплат руководителей в столицах и регионах составил 1,8 раза, хотя в 2018 г. он опять сравнялся с докризисным, составив 1,4 раза.

Таким образом, выход из кризиса сопровождается относительным сглаживанием поселенческой поляризации доходов (в основном за счёт снижения зарплат жителей столиц в 2018 г.) и одновременным ростом поселенческих неравенств в распределении индивидуальных доходов внутри профессиональных групп. Однако масштаб этих неравенств до сих пор остаётся высоким для всех профессиональных групп.

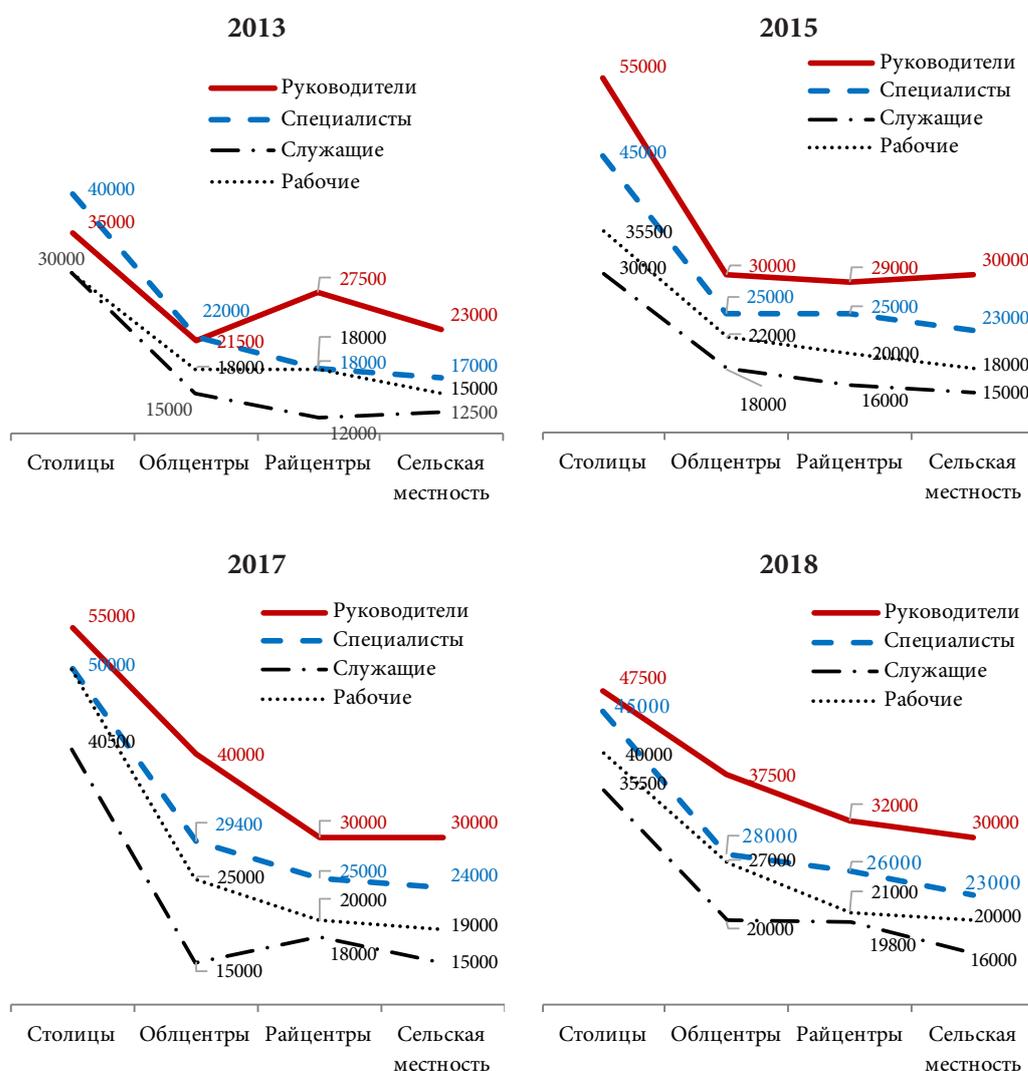

Рис. 6. Динамика масштаба поселенческих неравенств по медианным зарплатам в различных профессиональных группах, 2013–18 гг., %

Что же обеспечивает разницу в зарплатах в столицах и регионах? Несмотря на то, что этот вопрос требует отдельного эконометрического исследования, мы можем с уверенностью сказать, что разрывы в оплате труда работников не связаны с дискриминацией по возрасту, полу или результату оплаты более интенсивного труда, что находит подтверждение и в других исследованиях [Гришина и др. 2016]. Скорее всего, дело в институциональных условиях занятости [Gimpelson, Kapeliushnikov 2013], а также более высокой эффективности труда в Москве и Санкт-Петербурге.

Сложившаяся ситуация с индивидуальными доходами работников снижает градус противоречий между собственниками предприятий и наёмными работниками, прежде всего служащими, в столицах и усиливает их в центрах субъектов РФ и сёлах. Так, доля столичных служащих, отметивших, что между собственниками предприятий и наёмными работниками сегодня существуют острые противоречия, составляет всего 3%, в то время как в областных центрах их доля доходит до 25, а в сёлах и до 20%¹. Не удивительно в этих условиях, что работники областных центров статистически чаще своих коллег в столицах (27 и 24% соответственно) отмечают, что кризис болезненно сказался на ситуации у них на работе. Однако если в столицах негативное влияние кризиса в этой сфере коснулось прежде всего управленцев (71%), то в районных центрах проблемы с работой из-за кризиса возникли в основном у профессионалов, что является индикатором совершенно разных причин. Таким образом, в столицах кризис сказался в оптимизации расходов на управленческий аппарат, а в центрах субъектов РФ – на уровне доходов в силу ограниченного предложения на локальных рынках труда рабочих мест с высокой экономической безопасностью.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в России сейчас наблюдаются признаки негативной посткризисной стабилизации. Несмотря на ряд очевидных успехов (например, в борьбе с безработицей), по ряду важнейших показателей занятости Россия пока ещё не достигла докризисного уровня. Кроме того, кризис по-разному сказался на россиянах, и все по-разному из него выходят. Наибольшие опасения сегодня вызывают масштаб нестабильной занятости, особенно среди молодёжи, сокращение медианных заработных плат в столицах и ряд других негативных явлений в сфере занятости, затрагивающих

¹ Если говорить в целом о российских тенденциях, то данный тип противоречий отмечают обычно лица, занятые физическим трудом на крупных предприятиях.

отдельные профессиональных группы. Тревожным является и падение медианных зарплат в 2017–18 гг. у такой ключевой для экономики знания категории работников, как специалисты, занятые на должностях, предполагающих высшее образование, – и это в условиях, когда публично заявляется о выполнении майских указов В. В. Путина, затрагивающих в первую очередь именно эту категорию работников. Сильно ударили последствия кризиса и по рабочим, у которых они проявились как в аномально высоких показателях нестабильной занятости, так и в росте несоблюдения их базовых трудовых прав. И хотя к 2018 г. ситуацию в этой сфере удалось скорректировать и вывести на докризисный уровень по таким ключевым аспектам социально-экономической защищённости на рабочем месте, как своевременная выплата заработной платы и официальное трудоустройство, доля работников, у которых их права нарушаются, по-прежнему превышает половину, а для рабочих и рядовых работников торговли является максимальной.

Между возможностями и характером занятости в столицах и регионах существуют фундаментальные различия, которые не связаны напрямую с кризисными явлениями в экономике, то есть не являются шоковыми по своей природе. Порой эти различия характеризуются диаметрально противоположными (и даже противоречивыми) закономерностям, а в некоторых случаях – практически незаметны. Всё это позволяет говорить о сосуществовании процессов конвергенции и дивергенции между столицами и регионами России. Конвергенция столиц и регионов затрагивает смещение профиля занятости в сторону нефизического труда, а также трудоустройство большинства городских специалистов на предприятиях с государственной собственностью, что гарантирует им относительно более стабильную занятость, определённые экономические гарантии и большую защиту их трудовых прав.

Тем не менее процессы дивергенции пока всё-таки преобладают. Они относятся прежде всего к разрывам в величине индивидуальных доходов. Однако, помимо более низких зарплат, регионы отличаются менее благоприятными условиями занятости, что в особенности характерно для рабочих, которые в значительной степени сосредоточены в райцентрах, сохраняющих, в отличие от крупных российских городов, индустриальный характер. Неблагополучна, в сравнении с крупными городами страны, и ситуация с занятостью в сельской местности. Российские сёла по-прежнему находятся в зоне повышенных рисков безработицы, не говоря уже об относительно более низком в них уровне зарплат. Таким образом, хотя между столицами и регионами в современной России достаточно много общего в сфере занятости, чтобы мы могли говорить о «единой России», а не «двух Россиях», но всё же проживание в крупных городах этой «единой России», а тем более Москве, даёт в сфере

Между возможностями и характером занятости в столицах и регионах существуют фундаментальные различия, которые не связаны напрямую с кризисными явлениями в экономике, то есть не являются шоковыми по своей природе.

занятости дополнительные возможности, являющиеся своего рода привилегией. В то же время более высокий уровень запросов к работе жителей столиц, прежде всего Москвы, приводит к их довольно скептическому отношению к этим возможностям и снижает их удовлетворённость ситуацией у себя на работе и имеющихся у них возможностей в сфере занятости.

Однако в дивергенции столиц и регионов есть и свои положительные стороны. Так, высокая доля лиц, занятых высококвалифицированным физическим трудом, в населении райцентров открывает перед «малой провинцией» перспективы быть встроенной в процесс реиндустриализации России. Относительная дешевизна рабочей силы малых городов позволяет экономить на издержках на труд при локализации производственных мощностей вторичного сектора новой экономики в районных центрах. В свою очередь, новые предприятия привлекают инвестиции в инфраструктуру малых городов, повысив уровень доходов в них и сделав их более привлекательными.

Библиографический список

Аникин В. А. 2011. Модернизационный потенциал профессиональной структуры занятого населения России // Общество и экономика. № 11–12. С. 35–64.

Аникин В. А. 2016. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. Т. 135. № 5. С. 203–232.

Аникин В. А. 2018. Человеческий капитал в пост-кризисной России: состояние и отдача // Journal of Institutional Studies. Т. 10. № 2. С. 90–117. DOI: [10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117)

Гришина Е. Е., Денисова И. А., Дормидонтова Ю. А., Казакова Ю. М., Ляшок В. Ю. 2016. Анализ причин и факторов неравенства заработных плат в России. М.: РАНХиГС. 176 с. doi:10.2139/ssrn.2760347

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. 2018 / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир. 384 с.

Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. 2017 / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой, С. Ю. Роцина. М.: Центр стратегических разработок. 148 с.

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016. 304 с.

Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. 2018 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир. 312 с.

Шкаратан О. И. 1986. Городская территориальная общность и ее воспроизводство // Этносоциальные проблемы города / Под ред. О. И. Шкаратана. М.: Наука. С. 12–33.

Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. 2007. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России: Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. Препринт WP7/2007/02. Серия WP7 (Теория и практика общественного выбора). М.: ГУ ВШЭ.

Gallie D. 1991. Patterns of skill change: upskilling, deskilling or the polarization of skills? // *Work, Employment & Society*. Т. 5. № 3. С. 319–351.

Gimpelson V., Kapeliushnikov R. 2013. Labor Market Adjustment: is Russia Different? // *The Oxford handbook of the Russian economy* / Ed. Alexeev M., Weber S. Oxford: Oxford University Press. P. 693–724.

Kohn M. 1989. *Class and conformity: A study in values*. Chicago: University of Chicago Press. 476 p.

DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.537

Employment in Post-Crisis Russia: The Role of Settlement Inequalities

Vasiliy Aleksandrovich Anikin

Candidate of Economical Sciences, Ph. D. in Sociology (University of Essex), Associate Professor, Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: vanikin@hse.ru

Abstract. This article¹ examines shifts when it comes to employment among Russians during the financial-economic crisis years of 2014–2016, as well as during the years 2017–2018, which Russian scientists have already named the “period of negative post-crisis stabilization”. This article for the most part confirms said thesis. Despite obvious success in certain aspects (for example, unemployment around Russia has been kept at an unusually low level, while the wage gap between various regions has somewhat smoothed out in 2018 due to a decrease in income among those who live in the capital cities), several critical employment indicators show that our country has not yet recovered from the crisis. Alienation of villages is what’s the most disturbing circumstance, manifesting in the form of not only unusually high unemployment rates (over five times higher than that of the capital cities), but also villagers having to deal with injustice when it comes to their labor – delayed payment en masse, “grey” salaries and authoritarian local management. There’s also the matter of large-scale employment instability, and the enduring high risk of unemployment among younger people, especially those who perform simple physical labor. Yet another indicator would be an increase in settlement inequalities when it comes to distributing individual income within professional groups. When it comes to the capital cities, mainly managers have been negatively

¹ The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 14-28-00218) at Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

affected by the crisis (as a result of optimizing funding for administrations); as for regional and district center cities, mostly professionals are facing trouble due to the crisis (since there is a limited amount of “worthwhile” job offers out there). Additionally there are certain fundamental differences in types of employment and job opportunities between the capital cities and the regions, with said differences not necessarily being a consequence of the crisis itself. For example, this article concludes that a gradual transformation of Russian regional center cities into a “transfer periphery” is occurring, due to the fact that, since the early 2000’s, the amount of economically inactive people (mostly unemployed elderly folk) within them has increased twofold. The empirical basis for this study consists of sample statistics data, collected from “waves” of a national monitoring study conducted in 2014–2018 by the Federal Center for Sociological Research of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: employment, work situation, occupational structure, residential inequalities, crisis, economy recovery, Russia.

References

Anikin V. A. Chelovecheskiy kapital v post-krizisnoy Rossii: sostoyaniye i otдача [Human Capital in Post-Crisis Russia: Status and Impact]. *Journal of Institutional Studies*, 2018, vol. 10, no 2, pp. 90–117. DOI: [10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117)

Anikin V. A. Crisis and Russian National Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change*, 2016, vol. 135, no 5, pp. 203–232.

Anikin V. A. The modernization potential of the professional structure of the employed population of Russia. *Society and Economy*, 2011, no 11–12, pp. 35–64.

Dvadsat’ pyat’ let sotsial’nykh transformatsiy v otsenkakh i suzheniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: evidence from the sociological analysis]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow, Ves’ Mir, 2018. 384 p.

Gallie D. Patterns of skill change: upskilling, deskilling or the polarization of skills? *Work, Employment & Society*, 1991, Vol. 5, no 3, pp. 319–351.

Grishina E. E. and oth. Analiz prichin i faktorov neravenstva zarabotnykh plat v Rossii [Analysis of the causes and factors of wage inequality in Russia]. Moscow, RANEPА publ., 2016. 176 p. doi:10.2139/ssrn.2760347

Kohn M. *Class and conformity: A study in values*. Chicago, University of Chicago Press, 1989. 476 p.

Rossiyskiy rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnyye izmeneniya [The Russian labor market: trends, institutions, structural changes]. Ed. by V. E. Gimpel’son, R. I. Kapeliushnikov, S. Yu. Roshchin. Moscow, CSR, 2017. 148 p.

Shkaratan O. I. Gorodskaya territorial’naya obshchnost’ i eyo vosproizvodstvo [Urban territorial community and its reproduction. Ethnosocial problems of the city]. *Etnosotsial’nyye problemy goroda*. Ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, Nauka, 1986, pp. 12–33.

Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. Sotsial’no-professional’naya struktura i eyo vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii: predvaritel’nyye itogi predstavitel’nogo oprosa ekonomicheskii aktivnogo naseleniya Rossii 2006 g. [Occupational structure and its reproduction in contemporary Russia: preliminary results of a representative 2006 survey of the economically active population of Russia]. Preprint WP7/2007/02. Seriya WP7 (Teoriya i praktika obshchestvennogo vybora). Moscow, SU HSE publ., 2007.

Sredniy klass v sovremennoy Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovaniy [The Middle class in contemporary Russia. Evidence from longitudinal studies]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves’ Mir, 2016. 304 p.

Stolitsy i regiony v sovremennoy Rossii: mify i real’nost’ piatnadtsat’ let spustia [Capitals and regions in contemporary Russia: myths and reality fifteen years later]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves’ Mir, 2018. 312 p.